

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЗУХОВ

СПАСЕНИЕ НАЙДЕНЬША

Анна приблизилась к щенку и присела на корточки:

— Господи, что у него с ушами?

Я подошла, пригляделась и в ужасе ответила:

— Их нет.

Уши щенка были не то отрезаны, не то оторваны. Вместо них влажные рваные раны с запекшейся местами кровью. Такое впечатление, что их резали ножницами, как бумагу, или ножом, как мясо на кухне.

Знала бы я, какая проблема ждет нас с сыном Санькой в этом дворе, пошла бы другой дорогой...

Мы с Санькой купили коту корм и возвращались домой: надо было делать уроки, готовить ужин, а потом садиться за монтаж очередного фильма. Торопились, поэтому решили срезать и пройти дворами. Детский сад, гаражи, узкая заснеженная дорожка, невысокий заборчик, калитка и неожиданно — щенок. Да-да, на снегу сидел

щенок — крупный, рыжий, грязный и очень напуганный. Я огляделась — вокруг никого, значит, он один, без хозяина. Ошейника нет.

— Мапочка, давай возьмем его, смотри, какой хорошенький, — взмолился Саня.

Щенок попеременно поджимал замерзшие лапки и смотрел на нас самым печальным взглядом из тех, что мне доводилось видеть в жизни. Сердце не просто сжалось, а вывернулось, поднялось и забилося в горле. Саша собрался было поймать щенка, но я остановила сына.

— Подожди, надо подумать. Мы ведь не можем взять его, у нас кот.

— Ну, мамочка, ну, посмотри, он чудесный!

— Очень, но что мы будем с ним делать? Он больной, его лечить надо.

— Давай возьмем, а потом разберемся, — настаивал сын.

— Саша, я не хочу заводить собаку! Категорически!

— Возьмем ненадолго! Найдем ему хозяина какого-нибудь!

— Где найдем? Кому он нужен?

Наверное, настоящий собачник сочтет жестокими мои слова. Он никогда не оставит животное на морозе, без воды и еды. Теперь-то я это точно знаю. Но тогда мне, еще в детстве давшей обещание никогда не заводить собаку, казалось, что можно просто уйти и забыть о малыше.

Но мои совесть и сын уже все решили: надо спасать щенка!

Мимо шла девушка, увидела собаку и тоже остановилась. Это и была Анна. Видимо, добрый собачий бог послал нам ее.

Девушка растерялась не меньше нас:

— У меня большая собака, она его не примет, — чувствовалось, что она вот-вот заплачет, — но не оставлять же его на улице...

Анна была из тех впечатлительных и хрупких блондинок, которые легко падают в обморок, но в то же время не раздумывая придут на помощь. Такие люди готовы практически на все, но в экстренных случаях обычно теряются.

Я — другая. До последнего не стану вмешиваться и предлагать помощь. Однако если ситуация критическая, а переложить ответственность не на кого, беру командование в свои руки.

— Здесь рядом зоомагазин, там есть веткабинет. Давайте отнесем его к врачу, а потом будем думать, что делать.

Набрав в одну руку кошачьего корма, я протянула его щенку. Пес заинтересовался и робко двинулся на запах. Тогда свободной рукой я прижала его к земле. Он тут же забыл об угощении, попытался вывернуться, но Анна вовремя схватила его.

Она шагала, задыхаясь от тяжелой ноши. Щенок был крупный, хотя и не взрослый: мордастый, с массивными лапами, большой головой. Он обнял ее за шею грязными лапами, испачкав куртку.

Мы с Санькой шли за Анной, рассуждая вслух:

— Мы подыщем ему хозяина! Я сегодня же сфотографирую щенка, напишу его историю и размещу объявление в соцсетях. Но сначала надо найти ему временное жилье.

— Я возьму его на несколько дней, — сказала Анна, остановившись отдышаться.

- А как же ваша собака?
— Ничего. Рассажу их по комнатам.

Нечищенный тротуар, грязный снег, соленые лужи. Мимо, обдавая прохожих брызгами, мчатся машины. Мы идем и несем измученного щенка. Я нервничаю — получится ли сдержать обещание и пристроить собаку? Сержусь на себя, что впуталась, но на руках у Анны чудесный малыш. Большая голова щенка качается в такт шагам, он смотрит на меня с тревогой и дрожит. Ему холодно, больно, раны кровоточат...

В зоомагазине у ветеринара отдельный кабинет. Молодой врач велел положить собаку на металлический стол и спросил:

- Ну, рассказывайте, что случилось?

Рассказывать было нечего, кроме того, что мы нашли щенка без ушей.

Ветеринар осмотрел собаку: потрогал живот, лапы, заглянул в пасть.

- Мальчик, около двух месяцев, будет крупным.
— А что с ушами? — нетерпеливо спросила Анна.
— Уши ему отрезали.
— В смысле купировали?
— Нет, купированные уши выглядят не так, над ним издевались.

Анна прижала ладонь к губам и шмыгнула носом, Санька, крепко обхватив пакет с кошачьим кормом, вжался в угол.

И без врача было понятно, что собаку мучили, но теперь, когда он сказал это вслух, у меня мучительно заныло сердце. Что же пришлось пережить малышу?

- Что надо делать? — спросила Анна.

— Нужно подкорректировать форму ушей, вернее, их остатков, и зашить раны, но это, скорее, косметическая процедура.

Мы с Анной тревожно переглянулись, тогда доктор добавил мягче:

— Но можно оставить и так. Раны заживут, и собака будет здорова. Необходимо проколоть курс антибиотиков и ежедневно обрабатывать травмированные участки.

— Не надо собаку мучить операциями, правда? — воскликнула Аня и с надеждой посмотрела на меня.

Я согласилась. Зачем волновать и так пострадавшего щенка?

— Тогда я сейчас обработаю раны и сделаю первый укол, — ветеринар взял баллончик с лекарством и прыснул щенку на ухо.

Как же тот завизжал! Нет, он даже не завизжал, а закричал человеческим голосом — громко, невыносимо. Санька закрыл уши ладонями и выскочил из кабинета. Анна тоже держалась из последних сил.

А теперь второе ухо — снова пронзительный крик... Ну вот и все!

Аня вытерла слезы и стала успокаивать малыша. Врач готовил укол, а мы с Санькой наперебой рассказывали сотрудникам магазина, как нашли щенка.

Девушка-консультант, выслушав нашу историю, отошла на пару минут и вернулась с «гостинцами» — собачьим кормом, витаминами и каплями от клещей.

— Вот, возьмите, — сказала она, — это бесплатно, от нас.

Врач закончил с уколом и расписал на листке порядок лечения. Я пошла к кассе.

— Пусть скорее выздоравливает ваш найденыш, — пожелала продавец.

Щенок успокоился. Теперь его уши, точнее, те места, где они были, лекарство окрасило в ярко-бирюзовый цвет и песик стал похож на диковинную птицу. Анна взяла его на руки. Мы с Санькой пошли их проводить.

Аня жила совсем рядом. Зайдя в квартиру, она опустила щенка на пол и хотела было надеть на него ошейник, чтобы привязать в прихожей. Но при виде ремешка малыш завизжал так же невыносимо, как визжал у врача, и забился в угол с обувью. Стало ясно: в его детской щенячьей голове ошейник был накрепко связан с болью.

Мы с Санькой оставили пакеты в прихожей, и я условилась с Аней, что приду этим же вечером фотографировать собаку.

— Вы чего так долго? — спросил Леша, когда мы вернулись домой, — кот чуть с голоду не умер, давайте сюда пакет!

— Папа, ты не представляешь! Мы нашли щенка!

— Какого еще щенка?

— Он без ушей! Кто-то отрезал ему уши, мы носили его к врачу, он так визжал!

Санька разматывал на шее шарф, одновременно снимая промокшие ботинки:

— Рыженький, пушистенький! Я хотел его к нам, но там еще Анна...

Случившееся обсуждали за чаем. Лысый кот Тема наелся, запрыгнул на стол, устроился в теплых лучах лампы и тоже, казалось, внимательно слушал.

— И что ты собираешься делать? — спросил Леша скептически.

— Сфотографирую, напишу пост, выложу в Интернет.

— Думаешь, кто-то его возьмет?

— Конечно. А почему нет?

— А я думаю, что бездомные, беспородные, тем более безухие собаки никому не нужны. Ты просто не понимаешь, во что ввязалась.

— Не усложняй, пожалуйста! — возразила я и твердо решила, что найду собаке дом.

Леша смотрел на меня, как на блаженную.

С надеждой на поддержку я позвонила маме. У нее кот, кошка и собака, уж она-то меня поймет. Мама выслушала подробности и вздохнула:

— Вы его не пристроите. Зря ты, Вика, это затеяла.

— Ладно, мам, посмотрим. Ты сможешь проколоть щенку антибиотики? Три укола осталось сделать.

Мама в прошлом биолог, много лет проработала в лаборатории, где каждый год с коллегами разрабатывала новую вакцину против гриппа. Шприцами ее не напугать. Разумеется, она согласилась помочь.

Я устала от этого длинного дня, от пасмурного неба и переживаний. Но надо было идти фотографировать щенка. Собрав в кофр фотоаппарат и объективы, я отправилась в гости к новой знакомой.

По дороге я решила: фотографии должны быть такими, чтобы люди, зацепившись взглядом, захотели прочесть пост.

Никогда раньше я не снимала животных, не считая нашего кота, конечно. Но коты и собаки — это как небо и земля. Коты грациозны и спокойны, тут любой гениальный снимок сделает. А собаки совсем наоборот — вертятся, не слушаются, попробуй поймай хороший кадр! А нашего щенка нужно снять так, чтобы человек, взглянув на фото, понял, что хочет помочь этому безухому! «Точно! — обрадовалась я, — мы назовем его Безухов! С таким именем его никто не забудет».

Анна помыла щенка и напоила. От еды он отказался и уснул в углу на подстилке.

— Пьет и спит, пьет и спит! У него, наверное, все болит, вон ведь мясо живое наружу.

Щенок, похоже, понял, что говорят о нем. Открыл глаза, завертел головой, смотрел то на меня, то на Анну — слушал.

Я достала фотоаппарат и мы принялись за дело.

Я старалась, искала варианты композиций, ловила ракурсы. Безухова надо было держать, отвлекать или привлекать его внимание, и при этом не напугать. Поэтому приходилось постоянно командовать Анне: «Встаньте сюда, голову влево, щенка правее! Позовите его, чтобы он приподнял морду! Не получилось, еще раз...»

После съемки мы уже перешли на «ты», разговорились. Прощаясь, Аня вздохнула:

— А из моих никто не верит. Говорят, не пристроим, и останется он у меня. А моя собака и так весь вечер ворчит, даже рычать пыталась — ревнует...

— Надо пробовать! У нас все равно нет другого выхода, — сказала я как можно увереннее. — Ты занимаешься собакой, я занимаюсь поисками хозяина, мы же договорились. Завтра моя мама придет делать Безухову укол.

— Безухов? — Аня улыбнулась и посмотрела на щенка, отдыхавшего в своем уголке от «фотосессии», — а ведь, действительно, Безухов!

По пути домой я плакала.

Перед глазами стоял несчастный щенок: испуганный, страдающий от боли... Милый, нежный, трогательный... Что с ним произошло? Что ему пришлось пережить? И кто мог так обращаться с беззащитным малышом?!

Санька не ложился, ждал моего возвращения.

— Ну как он? — спросил сын с порога.

— Много пьет и много спит.

— Почему много пьет?

— Обезвоживание. Думаю, он скитался несколько дней и долго не мог найти воду, кругом соленый снег.

— А почему много спит?

— Малыши всегда много спят. А этот, наверное, еще и не мог найти теплое место для сна, зимой это трудно.

Я накрыла сына одеялом и потушила свет.

— Мы назвали его Безуховым.

— Потому что он без ушей?

— Не только. Есть такой роман, «Война и мир», там герой — Пьер Безухов. Он был большим, рассеянным, иногда беспомощным, но очень добрым.

- Как наш Безухов?
— Верно. Все, спи.

Мы с мужем сидели на кухне и листали в компьютере фотографии. До этого Леша знал Безухова только по нашему рассказу, а теперь, соединив услышанное с увиденным, ужаснулся:

— Жестоко.

— Знаешь, Леш, я привыкла, что вокруг меня хорошие люди. Кто-то лучше, кто-то хуже, но злодеев среди них нет, понимаешь? Нет, конечно, все способны схитрить, обмануть, даже предать, но это все житейское, человеческое. Но отрезать собаке уши... Просто невозможно это постичь. Такого не может быть! — Я опять расплакалась.

— Вика, ты такая наивная, честное слово! — помотал головой Леша. — Нет никаких добрых людей! Вокруг одни «бармаlei».

— Мам, — позвал Санька из детской.

Я строго взглянула на Лешу:

— Сам ты Бармаlei! Расшумелся, ребенка разбудил.

Но Санька еще не уснул, он переживал:

— Я думал, что собаки могут только лаять, скулить или выть. А Безухов сегодня кричал. Как человек.

— Не переживай, сынок. Он очень скоро поправится. Завтра бабуля сделает Безухову укол, и ему станет легче.

— Ты можешь со мной посидеть? Расскажи про Томми.

Санька обожает слушать истории про Томми. Он давно знает их наизусть и все равно просит рассказать. Конечно, мне приходится опускать некоторые страшные подробности...

ПОТЕРЯ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Я не помню, как в нашей квартирке на окраине Москвы появилась собака. Видимо, когда родители принесли щенка, я была совсем маленькой. Зато хорошо помню тепло шерсти под ладонью и мокрый собачий нос. Томми был серым пуделем среднего размера.

Томми вырос и стал отцом: у его жены Зиты родились маленькие пудельки. Мама сказала, что алиментного щеночка мы заберем и подарим нашим друзьям. И вот мы поехали к заводчикам, а папа остался с Томми.

Добирались долго: сначала на автобусе, потом ехали в метро. Наконец добрались. Из нескольких пушистых

комочков выбрали одного и снова в метро — теперь уже отдавать собаку. Я обнимала щенка и была счастлива, а люди, заходившие в вагон, улыбались и умилялись, глядя на нас.

Я не скучала в пути, не считала станции. Мне было хорошо, и думать не хотелось о том, что скоро придется расставаться с щенком. Но расстаться, конечно, пришлось. Мы отдали пуделька друзьям и ушли, оставив все семейство в приятных переживаниях и новых заботах.

Домой вернулись затемно. Папа уже погулял с Томми, меня накормили и велели ложиться спать. А потом случилось то, что на многие детские годы стало для меня самым сильным потрясением.

Помню суету родителей на кухне. Мама кому-то звонила, быстро и нервно говорила:

— Лежит, пена белая, как будто судороги. Что делать? Хорошо, сейчас попробуем.

Я кинулась в кухню. Родители закрыли дверь прямо перед носом, но я уже увидела: Томми лежал на полу, дергался и часто дышал. Папа попросил меня вернуться в постель и попытаться уснуть. Натянув на себя одеяло, я, как обычно перед сном, принялась маленькими кусочками отрывать обои. На кухне продолжалась нервная возня. Родители то кричали друг на друга, то успокаивали, то жалели Томмушку. От ужаса и страшных догадок слезы потекли ручьем.

Сначала пришла мама. Она говорила, что Томми заболел, что уже звонили ветеринару, но ничего страшного, все пройдет. А мне надо закрывать глазки и спать, они с папой все уладят.

Я опять улеглась, но чувствовала, что все гораздо хуже, чем мне сказали. Лежала и слушала поскуливание Томми, слышала грохот, видимо, он бился о мебель, а папа передвигал стол и стулья. Я закрыла глаза и передо мной

возникла картина, увиденная в приоткрытую кухонную дверь: Томмушка, лежащий на полу, испуганное лицо папы, шприцы и ампулы на столе...

Теперь я не просто плакала — рыдала. Папа гладил меня по спине, переворачивал подушку, мокрую от слез, и так же, как мама, обещал, что все будет хорошо, Томми поправится, надо спать. Нарыдавшись до бессилья, я уснула.

Проснулась от яркого солнечного света и тяжести на душе: что-то не так, что-то ужасное было вчера... Томми.

— Мама, где Томми?

Мама оторвала голову от подушки, села. Папа открыл глаза и с сочувствием погладил ее по руке.

— Вика, Томми вчера умер, — сказала мама.

Я не заплакала, просто не поняла, что значит умер. Я видела в фильмах, как умирали солдаты, слышала, что где-то умирали чьи-то бабушки, знала, что умер какой-то Брежнев, и поэтому на наш дом повесили флаг с черной лентой, но как может умереть Томми? Он же только что был тут, лежал живой на кухне...

— Почему он умер?

— Съел какую-то отраву на прогулке.

— А где он сейчас?

— Мы его похоронили.

— Как похоронили? — я ничего не понимала.